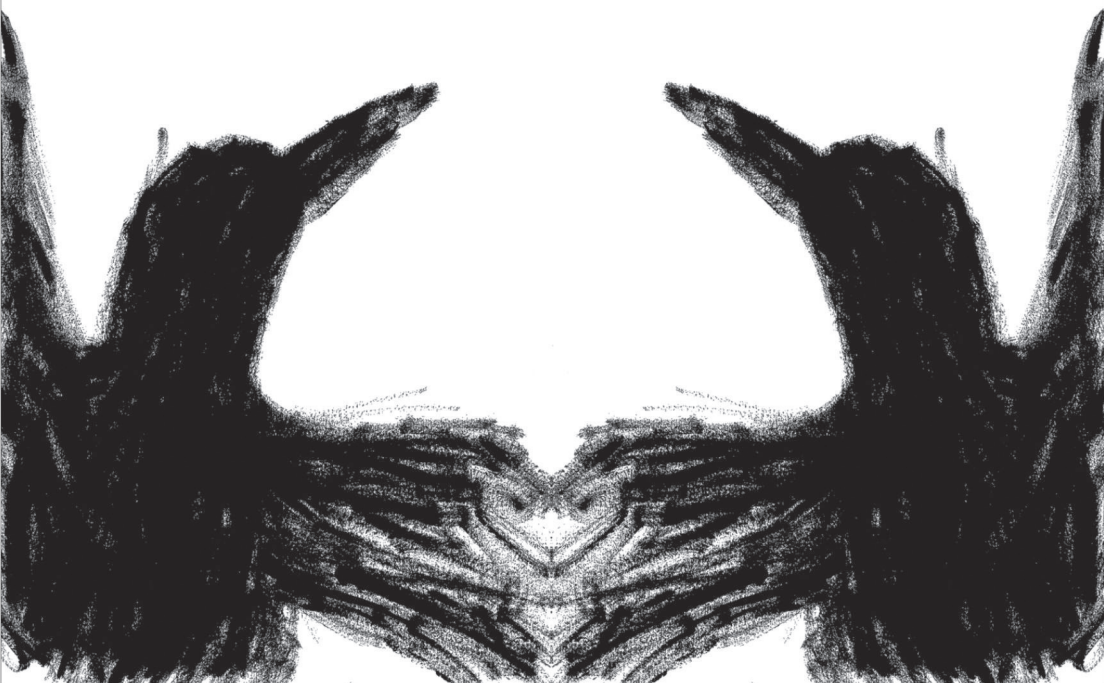

ВЕЛВЛ ЧЕРНИН

Маска на маске

УДК 82-1
ББК 84 (2 Евр)
В27

В27 Велвл Чернин.

МАСКА НА МАСКЕ: Поэзия. – Биробиджан, 2020.
– 132 с.

В сборник «Маска на маске» включены стихотворения Велвл Чернина, переведённые с идиша, а также написанные автором на русском и украинском языках. Предисловие к книге написал ведущий современный специалист по литературе на идише, профессор Мичиганского университета Михаил Крутиков. А в качестве иллюстратора выступил известный российско-израильский художник Хаим Сокол.

ISBN 978-5-6044634-5-1

Проект реализуется общественной организацией «Наследие Еврейской автономной области» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, представленного Фондом президентских грантов.

ISBN 978-5-6044634-5-1

© Велвл Чернин, 2020

© Хаим Сокол, 2020

© ОО «Наследие ЕАО», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

М. Крутиков. В двуязычной связке	8
Посланец. <i>Перевод Игоря Бяльского</i>	15
След верблюда. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	16
Это я. <i>Перевод Сергея Мнацаканяна</i>	17
Мечта. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	18
Уходит мой народ... <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	19
Лицом к лицу. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	20
Моя грамматика. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	21
Самому себе. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	27
Соль. <i>Перевод автора</i>	28
Зелоты. <i>Оригинал</i>	29
Каббалисты. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	31
В дороге. <i>Перевод Сергея Мнацаканяна</i>	33
Письмо в большой мир. <i>Оригинал</i>	35
У Немана. <i>Перевод автора</i>	39
Киевская ночь. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	41
Караулы сменяются... <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	42
Календарь. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	43
Вместо первой благодарственной молитвы. <i>Перевод Игоря Бяльского</i>	47
Воскрешающий мёртвых. <i>Перевод Игоря Бяльского</i>	49
Среди скал. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	50
Гора Гризим. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	51
Истина. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	52
Пост Десятого Тевета. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	53
Тимнат-Серах. <i>Перевод Игоря Бяльского</i>	57
Видение Иезекиила. <i>Перевод автора</i>	59
Шоссе Калькилия-Шхем. <i>Перевод автора</i>	60
Огненный потоп. <i>Перевод Игоря Бяльского</i>	61
После конца времён. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	63
И собери нас... <i>Перевод Игоря Бяльского</i>	67
На земле. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	68
Уверенность. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	70
Гробница Иосифа. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	73

Послепраздничное. <i>Перевод Исроэла Некрасова</i>	74
А море не переполняется. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	76
С винтовкою в руке. <i>Перевод Валерия Слуцкого</i>	78
Маме. <i>Перевод автора</i>	80
Неимоверно чисты ... <i>Перевод автора</i>	82
Тоска. <i>Перевод Исроэла Некрасова</i>	86
Девятая казнь. <i>Перевод Исроэла Некрасова</i>	86
Вильна. <i>Перевод автора</i>	87
Геродион. <i>Перевод автора</i>	88
Моя игрушка. <i>Перевод Игоря Бяльского</i>	89
Случай. <i>Перевод автора</i>	91
Полуночное бдение. <i>Перевод Валерия Дымишица</i>	95
Сильный незнакомый запах... <i>Перевод автора</i>	96
Шпионы. <i>Перевод автора</i>	98
Белые мотыльки над голубыми цветами... <i>Перевод автора</i>	99
Хоббит. <i>Перевод автора</i>	100
В горах бальзамических. <i>Перевод автора</i>	103
Нет в Литве страха и трепета... <i>Перевод автора</i>	104
Штрихи к портрету. <i>Перевод автора</i>	105
Богемно. <i>Перевод автора</i>	107
Иегар-Сагадуфа. <i>Перевод автора</i>	109
Везде, куда бы я ни пошёл... <i>Перевод автора</i>	111
Еврей. <i>Перевод автора</i>	112
Конец элула — время резать гусей... <i>Перевод автора</i>	113
О така молитва. <i>Оригинал</i>	114
Брейшис. <i>Оригинал</i>	116
Конец Нисана. <i>Оригинал</i>	119
Труд сердца. <i>Оригинал</i>	120
Биробиджан. <i>Перевод автора</i>	122
Сокровища. <i>Перевод Александры Глебовской</i>	123
Хибас-Цион. <i>Оригинал</i>	125
Из рабби Нахмана. <i>Перевод Александры Глебовской</i>	126

В ДВУЯЗЫЧНОЙ СВЯЗКЕ

Стихотворения Велвла Чернина чётко ориентированы во времени и пространстве. И то и другое имеет два измерения, священное и обыденное. Между ними заключён лирический герой, пытающийся их связать — иногда отчаянно, с надрывом, иногда шутливо, с иронией. Для этого он обладает особым лингвистическим инструментом. Поэзия Чернина не вмещается в рамки одного языка, даже в одном стихотворении языков может быть несколько. Обычное понятие перевода, когда стихотворение, написанное на одном языке, воссоздается на другом, не вполне применимо к этому сборнику, где один язык вступает в состязательный диалог с другим: «*На Парнас веселей // В двуязычной карабкаться связке*».

Внутреннее многоязычие стихотворения не всегда понятно читателю, владеющему только одним языком: «Аш эсу жидас — аш. // Да, я воскрес за всех из мёртвых». По-литовски «аш» — «я», слово, родственное древнерусскому «аз». На идише «аш» — «пепел», что создаёт ассоциацию с Холокостом, и далее с воскресением из мёртвых, которое воплощает лирический герой, утверждающий своё еврейство в бывшем еврейском местечке в Литве. К этому добавляется ещё одна, русская звуковая ассоциация — «шабашник», в которой, в свою очередь, скрыто слово «шабат/шабес». Таким образом, многоязычие Чернина одновременно скрывает и выражает несколько смыслов, выходящих за пределы одного языка. Языки у Чернина строго маркированы: еврейские языки — «свои», прочие — «чужие», и даже враждебные:

*Пищу тебе на языке чужом,
Завистливым, до боли нам знакомом,
Который неизбежен, как погром,
В стране, что притворилась нашим домом.*

Конфликтность языков передаёт внутреннюю раздвоенность лирического героя, унаследованную еврейской поэтической традицией

от средневекового еврейского испанского поэта Иегуды Галеви, сказавшего «Сердце моё на востоке, а я — на краю запада». Здесь уже не веселье, а конфликт становится силой, побуждающей поэта «карабкаться» в «двуязычной связке» на Парнас.

В каббалистической традиции буквы еврейского алфавита наделены особой мистической силой, они служат своего рода инструментами творения. Весь мир заключён в рамках еврейского алфавита, и для Чернина эта тайная структура мира явственно проступает в ландшафте Земли Израиля, где видимое соприкасается с невидимым, от первой буквы «алеф» к последней «тав»:

*На Мёртвом море словно прозреваешь:
Простёрся мир меж горною грядой
И краем мёртвых вод вдоль узкой трассы, —
Она из дымки алефа ведёт
К желанному неведомому таву.*

Израиль представляет собой один пространственно-мистический полюс в поэзии Чернина. Здесь его голос часто восторжен, иногда даже по-детски наивен:

*И я живу в своём детском сне
С апельсинами, газелями и холмами,
С языком святых умерших.*

Кажется, пребывание на Святой Земле позволяет преодолеть внутреннюю раздвоенность:

*Встречаю сам себя
Как ближнего, с которым
В разлуке был, о ком
Так радовала весть.*

Но бывают и другие моменты: «Порой не слишком уютно // В этой раскалённой чистоте. // И вдруг накатит тоска // По липкой плесени Москвы».

Москва — это другой полюс в мире Чернина, точка его Исхода, но одновременно — это и то место, где он осознал себя как еврей. Момент откровения, датированный 1982 годом, открывает книгу:

*Он подошёл ко мне в московском метро:
— Шалом-алейхем. Бар-Кохба
Послал меня за подмогой...*

В это время Израиль виделся из Москвы чем-то далёким, другим миром, откуда нет дороги назад. Путь туда предопределён, но конец пути отсюда невидим: «Иди! Завет Творца – // Будь твёрд и верен Мне, // И...».

Стихотворения этого раннего «московского» периода питаются литературными ассоциациями, почерпнутыми из еврейской модернистской поэзии начала двадцатого века, прежде всего, из стихотворений Ицхока-Лейбуша Переца и Хаима-Нахмана Бялика:

*Здесь умерший язык помогает дышать
Тем, кто жив, но обманут с рожденья,
Прорастая былинкой опять и опять
Среди копоты, пыли и тленья.*

Закат советской власти в конце 1980-х годов рождает надежду, «К мужеству и чудесам возвращаемся мы». Кульминацией становится отъезд на историческую родину, уподобленный утрате прежнего и обретению нового «я»:

*Растворился, растаял, исчез —
Потерял себя. [...]
Я упал на эту землю,
На её камни и тернии,
И прохрипел в агонии:
«Ерушалаим...».*

Сквозной темой средней части сборника является освоение нового пространства Израиля через точки божественного откровения:

Мёртвое море, гора Гризим, святилище Шило. Непосредственное переживание библейского прошлого смыкается с ожиданием мессианского спасения, порождая экстатическое ощущение счастья:

*И внезапно ощутил,
Что нет счастливее меня на свете,
Что я силен и жить ещё способен [...]
Открылась дверь
И входит Геула.*

Конец времени ощущается здесь как полное исчезновение окружающего мира, после которого наступает полный покой:

*Мягко превратились дома
В горки сладко-душистой пыли.
А вокруг — ничего,
Я сказал бы, кроме окончательного покоя.*

В еврейской традиции соседствуют две концепции конца света и будущего мира. Согласно одной, этот мир закончится приходом Мессии, после которого он будет воссоздан заново, на началах добра и справедливости. Согласно другой, спасение и переход в будущий мир происходят индивидуально, каждая душа проходит свой путь в этом мире и переходит в будущий в соответствии со своими заслугами и преступлениями. Поэзия Чернина пытается метафорически и диалектически совместить обе концепции. С одной стороны, Израиль служит провозвестником будущего мира, с другой стороны, личная судьба литературного героя знаменует его собственное возрождение в этом новом мире. Однако на этом жизнь не кончается.

В израильских стихотворениях Чернина неожиданно появляются отзвуки поэзии Ошера Шварцмана, канонизированного в СССР «основоположника советской еврейской поэзии». Шварцман погиб в 1919 году, сражаясь в рядах Красной Армии, и оставил небольшое поэтическое наследие. В своих стихах он стремился сочетать революционный романтизм с символизмом Бялика. Революция олицетворяла для Шварцмана мессианский момент разрушения старого

и создания нового мира, и именно этот мотив, в приложении к Израилю, возникает в поэзии Чернина, возвращая читателя к еврейской поэзии 1920-х годов. Как и в советской поэзии того времени, восторг перемежается с унынием:

И так темно, и с каждым днём темней.

О белом свете думаю с тоскою.

Закат, восход, а ночи всё длинней...

Как в трауре, я лацкан рву рукою.

Вылазки обратно в галут дают передышку в напряжённой «предложенной высшими силами // Ролевой игре, // Которая называется еврейством». В Вильне, столице галута, поэта окружают призраки, привлечённые звуками идиша: «Здесь ощущаешь себя Саулом в Эйн-Доре, // Если вспомнишь, что ещё говоришь на идиш».

Сборник завершается парадоксально для стандартной траектории алии: «Но в сердце всегда храню далёкий Биробиджан». Советский проект создания еврейской территориальной автономии на Дальнем Востоке оказывается своего рода инверсией сионистского проекта — и наоборот. В такой своеобразной пространственно-временной «ленте Мёбиуса» умещаются и Библия, и современный Израиль, и идиш, и иврит, и украинский, на котором написаны несколько поздних стихотворений, и Перец, и Бялик, и Шварцман, и молодой еврейский биробиджанский поэт Эммануил Казакевич, ставший через несколько лет известным русским советским писателем. Прикрываясь его образом, Чернин говорит читателю на прощанье: «*Я слегка фальшивлю, // Но делаю это от всего сердца*».

*Михаил Крутиков,
Москва, 5 января 2020 года*

Посланец

Он подошёл ко мне в московском метро:
— Шалом-aleyхем. Бар-Кохба¹
Послал меня за подмогой...
— ???
— Ты понимаешь, там у нас, в Бейтаре²...
— ???...
И он замолчал,
А я выскочил на своей станции.

Очень может быть, безумие — тоже заразно.
С тех пор, когда еду в метро,
Мои уши слышат в перестуке колёс
Звон мечей,
А мои глаза видят в тёмных окнах
Удивлённое лицо посланника Бар-Кохбы.

Не беспокойтесь!.. Я уже молчу.

Москва, 1982

¹ Шимон Бар-Кохба — вождь иудейского восстания против Рима в 132–135 гг. н.э.

² Крепость Бейтар стала последним оплотом Шимона Бар-Кохбы.

СЛЕД ВЕРБЛЮДА

Из глины сотворили человека.
И гладкою была его душа,
Сродни такыру — глиняной пустыне.
А молот солнечный тяжёл,
Из глины выковал он камень,
Но и в пустынях могут лить дожди.
И по размокшей глине
Однажды прошагал верблюд.

И снова молот солнца
В надгробный камень глину превратил.
Но отпечатан на лице такыра,
Как вечный знак надежды,
След верблюда,
Который прошагал когда-то здесь.

Москва, 1983

Это я

Я плачу, я белобрысый мальчишка.
Евреи незаметно
Вытолкнули меня из колонны:
«Шейгец¹, тикай!»
Немцы этого не заметили.
Украинцы меня пожалели.

А колонна уходит —
С немецкими автоматами и собаками,
С пылью и бородами стариками,
С моей мамой и с моим детством,
С моими черноволосыми братьями и сёстрами.

А я один у дороги стою...

Москва, 1983

¹ Нееврейский мальчишка, сорванец (идиш).

Мечта

Барахлишко и учёность променяю на коня,
Чтоб гремел пустой подводой,
Коль весёлою свободой
Мой Творец увлѣк меня.

Заживу я балагулой¹, шляхи тряские зубря...
А размеренному люду
Отвечать «храни вас...» буду,
Усмехаясь втихаря.

А для женщин, что ни спросят,
Только «да» припасено.
Был... Пропал... Покой мне скучен, —
От лавчонок и конюшен
Вдаль летит мой голос: «Н-но!»

Болшево, 1984

¹ Извозчик (идиш).

Уходит мой народ
Веками — млад и стар.
И гонит и зовёт
В родную даль шофар¹.

И вновь костры и ночь,
И вновь пророк велит
Надеждой превозмочь
Глухую боль обид.

И не видать конца
Пути в чужой стране.
Иди! Завет Творца —
Будь тверд и верен Мне,
И...

Болшево, 1984

¹ Рог для трубления.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Ливни за ливнями. Хлещет и хлещет вода.
Новым потопом неужто казнима земля?
Страх и восторг наполняют мне душу. Беда
В мир ворвалась, неминуемую гибель суля.

Тонут в пучине и люди, и звери. Пуста
Необозримость. Умолк захлебнувшийся крик.
Пуст мой ковчег. Я один. Безысходно уста
Немы, и яд одиночества в сердце проник.

Пенятся тучи. Ни берега нет, ни скалы.
Лишь иногда промелькнёт в закипевшей волне
Левиафан. Но среди обезумевшей мглы
Бог ещё милостив иль равнодушен ко мне.

Как бы то ни было, Он удостоил меня
Хаос увидеть. К явившему гнев Божеству
Взор устремил я и, смертный, надежду храня,
В буре кромешной, как в собственном доме, живу.

Болшево, 1984

Моя грамматика

Не люблю я грамматику —
Косность её наступленья,
С ней строку не завертишь,
Играя, как в цирке — жонглёр.
И в свободной манере
Сегодняшнего поколения
Я кидаюсь в атаку,
Чтоб дать правишкам отпор.

И вопят знатоки:
«На защиту! Невежа! Негоже
Языком без костей
Нападать на структуру-скелет!...»
Я, смутясь, отвечаю:
«Простите... вы правы... но все же
В языке хоть какой-то
Оставить мне хочется след...»

Я — еврейский еврей,
И в душе отзывается идиш,
Кое-что с колыбели,
Поверьте, осталось в мозгу.

Что касается «хун», —
Хоть различья в словах не увидишь,
Где — петух, а где — курица¹,
Я разобраться смогу.

Да, грамматика — страж,
Ей отставку давать не годиться, —
Тот замес, на котором
Скрепляются в строки слова.
Без грамматики стих
Опадёт — за частицей частица,
И осыплется песнь,
Как с деревьев осенних листва.
Слово больше, чем слово, —
Оно проникает повсюду —
Некий символ, к тому же —
Немного фонетики. Дни
Набегают словами.
И может быть, имя добуду
Я при помощи слов,
Если мне не изменят они.

¹ «Һун» означает на одних диалектах идиша «петух», а на других — «курица».

На Парнас веселей
В двуязычной карабкаться связке.
Неотступно со мной
Многоцветная русская речь.
Проникая в мой стих,
Она дарит мне новые краски,
Чтобы к новым просторам
Моё вдохновенье увлечь.

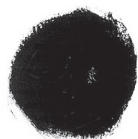
Между рифмами рифм
Устремляя словесную лодку
К берегам пониманья,
Я должен настроить на лад
Всеприсяжия словарь мой...
И разве что соли щепотку
Добавляет грамматика
В сей двуязычный салат.

И с любовью внимаю
Свободной от примесей речи.

Как светильник она,
Вызывающий трепет в груди.
Только чистый еврейский,
С которым так радостны встречи,
В перемешанном мире
Попробуй сегодня найди...

А грамматика правит,
Не чувствуя в вольностях толку,
В стариковских руках
Сжав поводья. И я не даю
На упряжку наброситься
Чужезычному волку,
И с грамматикой вместе
Вгоняю мой стих в колею.
Часто ссоримся мы.
Своеволие слов не в почёте
У неё. И, признаться,
Грамматику я не люблю...

Москва, 1984

САМОМУ СЕБЕ

Так довольно тебе превращать в решето
Мирозданье. Нелепые мерки отбрось.
Что делить поколения на «это» и «то»?
Звёздный луч времена пронизает насквозь.
Жажда сделаться богом, как пропасть пуста.
Устремляется взор в благородную высь,
Чтоб дурацким «увы» разрешались уста,
И упрямые мышцы, как струны, рвались.
Кругло-плоское небо — бездонное дно,
Где летят, низвергаясь, — откуда? Куда?
Где значение алефа таву¹ равно.
Где в страдании — счастье, а в счастье — беда.
Всё — во всём. Ибо каждый — ремесленник тут
И создатель миров. Не приходится роль
Выбирать. Неделим предначертанный труд —
Делать звёзды и кров, Пятикнижья и соль.

Болшево, 1984

¹ Цифровое значение алефа, первой буквы еврейского алфавита, — 1, а тава, последней буквы еврейского алфавита, — 400.

Соль

Сердце моё на востоке...
Иегуда Галеви

Мои приятели говорят,
Что я испортил уху
Тогда, у осенней Биры.
Они пили, ели, пели,
А я мечтал у Биры
О тёплом море.
Я взял коробку с солью
И бросил в Биру,
Чтобы река стала немного похожа
На солёное море.
Но река осталась рекой,
И лишь малюсенькие волны
Разбежались у самого берега.

Болшево, 1984

ЗЕЛОТЫ

Ерусалим, ты смертельно ранен,
Горло сжимает агонии хрип.
Ты тонешь, как чёлн в грозовом океане,
Но тот, кто дерётся, ещё не погиб!
Из улиц-жил, перерезанных Римом,
Кровь стекает под ноги нам.
Мы вместе умрём с Иерусалимом
Прежде, чем
 обрушится Храм.

Святая гора на плечах костлявых
Покуда несёт обречённый Храм.
Как хочется верить — о Боже правый! —
Что новое чудо свершится там!
Из улиц-жил, перерезанных Римом,
Кровь стекает под ноги нам.
Мы вместе умрём с Иерусалимом
Прежде, чем
 обрушится Храм.

Из-под ног навсегда уходит
Родная земля, к небесам воспарив.
И наша мечта исполняется вроде:
Кто умер вовремя, тот не погиб.
И пусть пронзает мечом незримым
Сердце моё Ангел смерти сам.
Я умираю с Ерусалимом
Прежде, чем
 обрушился Храм.

Болшево, 1984

Каббалисты

Пусть бы открылись все врата мира
с тайнами, чертями и ангелами.
И.-Л. Перец

Где же вы, каббалисты,
Хватая за бороду Бога,
Норовившие влезть,
Точно в куклу, в нутро бытию?
Я, взывающий к вам,
Гол и бос у земного порога
Смертной калькой с Творца
Первозданно недвижим стою.

Где же вы, каббалисты,
Кто шёл без следа и во мраке
Книги «Зогар»¹ искал
Сокровенного знания луч?
Но нелепо таил
Полог тьмы путеводные знаки,
И, увы, не смогли
Обрести вы к всеведенью ключ.

¹ «Зогар» («Сияние») — каббалистическая книга.

Заслоняют Эдем
Горы Мрака. Потеряно Слово.
За печатями букв —
Неприступная цель. Мудрецы,
Отзовитесь! Неужто
Вы канули в прахе бывшего
И, дерзавшие знать,
Вы безгласны, как все мертвецы?

Мельтеша, как волчок,
По своей сумасшедшей орбите
Злобно кружит наш мир
Продолженьем чего — не пойму...
«Подскажите мне Слово!
Хоть букву одну подскажите!» —
По отдельности каждый
Кричит. Но кому? Никому.
Где же вы, каббалисты?..

Москва, 1985

В ДОРОГЕ

Я в вагоне опять,
на колёсах. Всю жизнь на колёсах.
Впопыхах, на бегу,
безоглядно куда-то спеша.
Я — привычный.
Не надо занудных вопросов,
Почему я танцую
на лезвии остром ножа.

Я — такой же, как те,
что блуждают вокруг непрестанно.
Ведь и я же мальчишкой
по лужам упрямо шагал.
На одном месте мне
и сейчас как-то скучно и странно.
И я мчусь, я лечу,
и плевать я хотел на привал.

Здесь, в вагоне моем,
 так уютно, понятно, обычно,
Есть книжонка, стакан,
 есть пустячный словесный бедлам,
Есть возможность в картишки
 перекинуться с кем-то привычно
И есть время забыть,
 что меня уже ждут где-то там.

Болшево, 1985

ПИСЬМО В БОЛЬШОЙ МИР

Друзья мои,
живущие на воле...
Шмуэль Галкин

Пишу тебе на языке чужом,
Завистливым, до боли нам знакомом,
Который неизбежен, как погром,
В стране, что притворилась нашим домом:

Здесь увядшие души лежат на земле,
Здесь прозренье, как месть, настагает,
Здесь Мессии призыв заблудился во мгле
И свечой одинокою тает.

Здесь в дыму сигарет тонет вечный огонь,
Открываются двери без стука,
Аромат всех цветов обращается в вонь,
Здесь, где встречи страшней, чем разлука.

Здесь умерший язык помогает дышать
Тем, кто жив, но обманут с рожденья,
Прорастая былинкой опять и опять
Среди копоты, пыли и тленья.

Я здесь был или не был — не всё ли равно?
— Спичка вспыхнет на миг — и погасла.
Ничего не зажжётся. Забыта давно
Маккавейская сказка про масло.

Здесь, где всё, что моё, здесь, где нет ничего,
Где дрожит пустота под ногами,
Кто-то добрый и глупый, презрев статус-кво,
Силу копит для битвы с богами.

Москва, 1986

У Немана

Вялюона,
Ты забыла своё еврейское имя — Велун.
Я иду по твоим улицам
Чистым, красивым, зелёным
В гору, с горы,
Как тень твоих былых обитателей.

Вялюона,
Ты спишь у Немана,
У реки, которая поглотила
Немое и гулкое «Шма»¹
В месяце сентябрь
Сорок первого года.

Вялюона,
Я — шабашник.
Я приехал сюда строить.
То есть честно зарабатывать копейку.

¹«Шма» — «Слушай, Израиль. Бог — Господь наш. Бог — один» — иудейский догмат веры, который полагается произнести в минуту смертельной опасности.

И ни о какой мести я вовсе не думал,
Но аш эсу жидас. Понимаешь?
Аш эсу жидас — аш.
Да, я воскрес за всех из мертвых.

О, мергайтес²,
 не зовите меня на танцы
В старую деревянную синагогу.
Я отнюдь не бестелесный призрак,
И вы можете убедиться в этом, как угодно,
Но аш эсу жидас³. — Понимаете?
Аш эсу жидас — аш.

Вильнюс, 1986

²Девушки (литовск.)

³Я еврей (литовск.). «Аш» по-литовски означает «я», а на идише — «пепел».

КИЕВСКАЯ НОЧЬ

Разлетелось безумное солнце,
Мириады обломков
Разметав над холмами вблизи у Днепра.
Обветшалые окна Подола,
Два десятка хромящих улиц
Бедно блещут осколками вечного света.
В синагоге темно,
Где-то спит, разметавшись, община.
Тих Андреевский спуск.
И заплёванный Днепр безразлично спокоен,
Словно он выжидает свой час,
Как Самсон ослепленный
Часа ждал своего в филистимской тюрьме.

Киев, 1988

Караулы сменяются вновь у ворот,
Невзирая на то, что разрушены стены,
И чернеют обломки их возле дорог.
Караулы сменяются.
Башня — как перст.
Одинокое торчит над клубящимся прахом,
И камнями завалены рвы.
Караулы сменяются.
Площадь травой
Заросла, и от улиц следа не осталось.
Караулы сменяются вновь у ворот
Распылённого города.
Снова и снова,
Неустанные, будут сменяться,
Поверь.

Москва, 1988

КАЛЕНДАРЬ

Михаилу Шпарберу

Словно во сне, пламенея, плывут мириады
свечей, озаря
Сонмами трепетных звёзд неоглядность
небесную, земли, моря.
И указывает дорогу луна в череде проплывающих
лет.
В даль поколений уходит цепочкою праздников
след.

Слышишь, доносятся звуки шофара, привычный
покой разорвав
Этого милого, грешного мира. В руке зеленеет
лулав¹.
Вот уже звёзды сквозь хвою глядят на весёлый
уют.

¹ Пальмовая ветвь, один из символов праздника Суккот (Кущей).

Воздух этрогом² запах, и на крыше поют.
Свечи сияют, и гордое чувство — острей.
Сыном царя сознаёт себя каждый еврей.
И, возвышаясь над горем и скорбью, сейчас
К мужеству и чудесам возвращаемся мы.
Вновь посадить деревцо на исходе зимы.
С мёртвой земли не сводить уповающих глаз...

Эта забытая песня упрямо рождается в нас.

Киев, 1989

ВМЕСТО ПЕРВОЙ БЛАГОДАРСТВЕННОЙ МОЛИТВЫ

Голоса ниоткуда
В три часа пополуночи
Мне уснуть не дают.

Голоса ниоткуда,
Из какого-то прошлого,
Из туманного небытия
Поднимаются к рыжим холмам Маале-Адумим.
Разойдись по домам, видят сны о хорошем
Сорванцы из России и сорванцы из Эфиопии.

Голоса ниоткуда...
Этот неодолимый соблазн воспарить — вместе
с ними —
Ещё до того, как привычно скажу
Благодарность Всевышнему за возвращённую
душу,

И лететь — с мольбою языческой — прямо
к небесному трону,
И оттуда смотреть,
И угадывать по огонькам редкие машины
Среди ущелий,
И украдкой шептать: «Да храни вас Господь
Для жизни, для радости и для мира...»

Скоро будет светать —
Время благодарить:
«О, Создатель! Ты дал петуху способность
Отличать день от ночи...»

Маале-Адумим, 1990

ВОСКРЕШАЮЩИЙ МЁРТВЫХ

Растворился, растаял, исчез —
Потерял себя.
Ничего не осталось, даже усталости.
Потерял логику,
Чувства времени и юмора,
Цель и путь,
Шум и соблазны.
Я плыл,
И были руки и ноги мои, что плавники.
Я пил большими глотками,
Но жажды не утолил.
Я дышал, как до этих пор никогда не дышал:
Широко, свободно, сладко.
А лёгкие слишком малы,
И всё равно не хватало воздуха.

Я упал на эту землю,
На её камни и тернии,
И прохрипел в агонии:
«Ерушалаим...»

Петах-Тиква, 1990

СРЕДИ скал

Кряхтит и скрипит
Пророчество, осуществляясь.
Его возвещали, кто знает, сколько столетий
Неделю в году.
От долгого возвещанья
Пророчество отшлифовалось и охладело
И стало блистать
Холодным и царственным светом.
Ну точно светоч галута¹!
О как было трогательно-спокойно
Отражаться в его чистоте!
А теперь исчезает чудо
Ожиданья. И пророчество в кровь
Нежную кожу верующих натирает щетиной
Своих пергаментных щёк...

Элькана, 1991

¹ Изгнание.

Гора ГРИЗИМ

Так раскалывается виденье:
Ночь упала на горный хребет,
И осколками каменных рёбер
На рассвете белеет земля.

А присмотришься, лишь лоскутки
Кожи гор зеленеют печально
Там, на дымчатом, как виноградины, теле.
И не капает кровь —
Её нет.
И предсмертного хрипа уже не расслышать.

Но осколками горных костей,
Сокрушёнными рёбрами благословенья¹
Первозданно кричит тишина,
Днём и ночью взывая: «Приди!
Встань, Мессия!»

Элькана, 1992

¹ Расположенная к югу от Шхема (Наблуса) гора Гризим (Гаризим) именуется в еврейской традиции «горой благословения».

ИСТИНА

На Мёртвом море словно прозреваешь:
Простёрся мир меж горною грядой
И краем мёртвых вод вдоль узкой трассы, —
Она из дымки алефа ведёт
К желанному неведомому таву.

Просоленные вечные кусты
Тебя сопровождают равнодушно
В горячей смеси воздуха с песком,
А бледный свет над скалами похож
На камня драгоценного лучистость.

Плывут над пеленой небытия
За Мёртвым морем горы столь далеки
И близки. А за ними — край земли.
Безглавая вне времени змеится
Дорога ниоткуда в никуда.

И нет перед тобою пальм Эй-Геди.
Они — мираж.

Иерусалим, 1993

ПОСТ ДЕСЯТОГО ТЕВЕТА

Зимние нахмуренные лица
Гор вблизи святилища Шило¹
Золотеют так по-самарийски.
Ждали поколениями они
Мой приход. И вот я здесь, попутку
Ждущий, чтобы к югу унесла —
До Бейт-Эля, к Раме, а быть может,
И в Ерусалим. Но тремпа² нет.
Камнем я стою на перекрёстке
Около святилища Шило,
Здесь среди простых арабских гоев.
И в оливах словно узнаю
Те берёзы, липы и осины
Гойщины покинутой. Вокруг
Столь уютно, нет, скорей, интимно.

¹ В Шило (Силом — в христианском русском переводе Библии) в первые века после покорения Ханаана располагалась Скиния завета, походный Храм, принесенный сынами Израиля из пустыни.

² Попутка.

На шоссе легко влетает лань,
По-еврейски трепетна. Влюблённый
В эту лань, в знакомость этих гор,
В этих гоев, на ремне оружие
Поправляю – что ни говори,
Всё возможно здесь, на перекрёстке,
Около святилища Шило.
Но уже я ранен. Кровоточит
Ветренное сердце. Эта лань!
Трепетная лань! И нет попутки.
Остаёмся с ней лицом к лицу.
Зимний месяц. Перекрёсток. Горы.
Около святилища Шило.

Иерусалим, 1993

Тимхат-Серах

И умер Егошуа¹ Бин-Нун, раб Божий,
достигнув ста десяти лет.
И похоронили его в границах его надела,
в Тимнат-Серах²,
в горах Эфраимовых.
Книга Иисуса Навина, 24, 29-30

Егошуа Бин-Нун подождёт.
Ничего не случится, если он немного ещё
подождёт.
В конце-то концов, мы устроим здесь
автостоянку —
С пробками и штрафами за неправильную
парковку.
И двух полицейских поставим при въезде
на площадь,
На иврите напишем табличку
И на английском табличку

¹«Егошуа» — для унификации.

² Библейский Тимнат-Серах, место погребения Иисуса Навина (Иегушуа Бин Нуна), идентифицируется еврейской традицией с современной арабской деревней Кифл-Харис, расположенной рядом с городом Ариэль в Самарии.

С убедительной просьбой о соблюденьи
приличий
В святом этом месте,
Где покоятся и Егошуа Бин-Нун, и соратник его
Калев,
А ещё говорят, что и Нун, — отец Егошуа
Бин-Нуна.

Иешиботники в лапсердаках и штраймлах¹,
Встанут у входа в гробницы
С коробками для пожертвований —
Всё, как обычно.
Чуть займётся рассвет — из Имануэля они
придут,
А в сиянии звёздной прохлады
Потянутся горной тропой обратно.

А я заночую здесь,
Ибо не захочется мне
Суеты и соблазнов
Ариэля — столицы Шомрона².

Элькана, 1994

¹ Штраймл — круглая меховая шапка.

² Самарии.

ВИДЕНИЕ ИЕЗЕКИИЛА

Я шёл не на ваш зов.
Хаим-Нахман Бялик

И едва воскресший мертвец
Падает назад в свою могилу,
И затихает протяжный зов шофара,
И надежда остается, как и была,
Возвышенной, чистой и далёкой
В грядущем.

Снова — разочарованная любовь,
Снова — победа чистых чувств
Над древними земными инстинктами.

Ты избежал соблазна,
Не стал плотью и кровью.
Никакой материальности.

Возвращайся к своему покою,
Труп.

Иерусалим, 1994

ШОССЕ Калькилия — Шхем

Раздавленный, униженный, согбенный,
С немой молитвой на устах, я вдруг увидел
В мелькнувших у дороги мутных окнах
Надежду
И внезапно ощутил,
Что нет счастливее меня на свете,
Что я силён и жить ещё способен,
Что я люблю печальный тёплый свет
И силуэты гор, покрытых мраком,
И этот мир, в который незаметно
Открылась дверь
И входит Геула¹.

Кдумим, 1996

¹ Избавление.

ОГНЕННЫЙ ПОТОП¹

До чего ты мала, страна моя, до чего мала!..
Я стою на горе, что напротив Сихема,
И, как самый первый еврей,
Обнимаю тебя взором:
Иудею, Самарию и Галилею,
Негев, Васан и Галаад —
От Реки до Реки.

До чего ты мала, страна моя, до чего мала!..
Проходя по холмам и долинам,
Я встречаю, как самый первый еврей,
На каждом шагу ханаанца.
И тесно моим стадам
В завещанной мне стране —
От Реки до Реки.

¹ В талмудической литературе упоминается о том, что, пытаясь спасти от разрушения Содом и Гоморру, праотец Авраам напомнил Господу о том, что он обещал больше не насыпать на людей потоп, а теперь вместо потопы из воды посылает потоп из огня.

До чего ты мала, страна моя, до чего мала!..
И опять спускаюсь к таким низинам,
И со Всевышним спорю,
Как самый первый еврей.
Моля за искорку чистоты,
Я требую возжечь огонь избавления —
От Реки до Реки.

Кдумим, 1996

ПОСЛЕ КОНЦА ВРЕМЁН

Что-то
Шевельнулось в ночи.
Кошка? Рыба? Возможно, крыса?
Как-то странно всё. Неужели — сон?
Эти капли — они реальны?
Может быть, с петель
Дверь соскочила?..

Нет. Не кошка это, не рыба.
И не крысья возня
В шумно захлопнувшейся ловушке.
И не дождь, струящийся по стеклу.
Но — бесконечность, наличие пустоты,
Ранящей отсутствием звука.

Мягко превратились дома
В горки сладко-душистой пыли.
А вокруг — ничего,
Я сказал бы, кроме окончательного покоя.

Ну а люди?
Бог знает, куда исчезли
С возносящимся к небу воплем:
Аллилуйя!

Кфар-Саба, 1998

И СОБЕРИ НАС...

В почти прибрежном городе надежд¹
Я обогнул базар и отыскал проулок,
Где возмечтал укрыться от жары,
Которую принёс горячий месяц Ав.

Здесь, заслоня спиной
Второсортную роскошь витрин,
Репатриант из недавних
Разложил на продажу свою жизнь:
Три привезённых из России самовара,
Плоскогубцы, уже слегка подёрнутые ржой,
И сигарет дешёвых пачек тридцать.

И, спасаясь
от немого упрека нищеты,
я бросился назад — в объятия Ава.

Тель-Авив, 1998

¹ Название города Петах-Тиква буквально означает «проход к надежде».

На земле

Я молился о дожде, —
Мол, иссохнуть не оставь!
Дождь пришлёпал по воде
Иль (кто знает?) прибыл вплавь.

Маюсь дома. Муть и грязь.
Устремись к двери — стоп!
Созерцай в окне потоп,
На себя же рассердясь:

Для чего, де, рьян и скор,
Я молился? Лишь врагу
Год такой желать могу.
Полетит, как пить, мотор.

Божий дар! То рёв, то шип.
Под обвалом водных стен
Я насквозь благословен.
Чтобы гром меня прошиб!

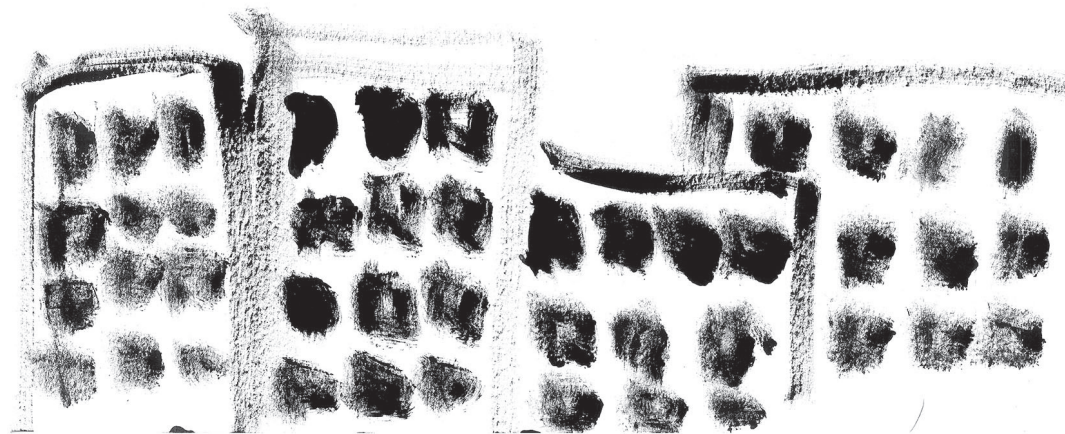
Силы собственной мольбы
Я не знал, просив дождя,
Путь к превратностям судьбы
Сам себе загорюдя.

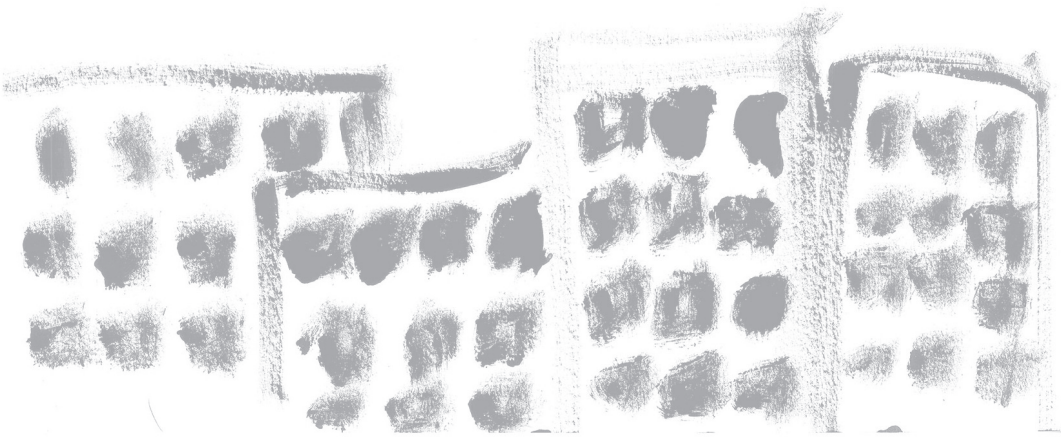
Кдумим, 2000

УВЕРЕННОСТЬ

Белый осёл ступает (копыта его легки)
По седому булыжнику и пожелтевшим травам.
Ароматна тень смоковниц.
Осиротевшие лозы приникли к скалам,
Испещрённым рубцами щербин (следы
Поцелуев солнца и ласки ливней).
Белый осёл ступает (твёрже цокот копыт)
И на горном подъёме, ведущем в ясность глубин,
У источника медлит
(Грозен блеск живящей воды).
И не зрится ангел с мечом,
Некогда подстерегавший в Моаве
Умную и разговорчивую ослицу.
Белый осёл стоит
На вершине Масличной горы, далеко от зданий,
Синагожек, реальности и мечты.
Лишь мгновение — и начнет искать
Заслонённый могилами путь к воротам.

Кдумим, 2001

Гробница Иосифа

Точно пёс, что смотрит издалека
На свой разорённый двор,
И, вертясь вокруг,
Не отваживается войти,
Я стою, побитый,
На вершине горы
И взираю горестно сверху вниз,
И облизываюсь. А раны
Ноют ещё
И не дают уйти.

Высится святая гора,
Иссечённая шрамами прежних войн,
И руинами древних капищ,
И бетоном новых заградительных стен.
Я, скрывающийся в тени,
Зубы точу накануне битвы
С терпеливой яростью —
Точно пёс.

Кирият-Луза — Кфар-Эльдад, 2002

ПОСЛЕПРАЗДНИЧНОЕ

Благородные фигуры встанут за стеклом витрины.
Милосердный и великий сядет во главе стола.
Две таинственных планеты и молитвенник
старинный.
Клещи в ящике ржавеют. Двери. Что тут за дела?

Спит зимой медведь, и водку хлещет русская
девица.
Кто-то к Богу возвратился. Розы красные цветут.
Слово грустно прозвучало. Утка на пруду
резвится.
В прошлое стучит сапожник. Что, мудрец,
творится тут?

Без конца стремятся в реки влиться мутные
потоки,
И учитель с первой буквы начинает свой урок.
Кружит странное создание у наезженной дороги,
И опять сатрап жестокий приказал собрать налог.

Хоть ты умный, хоть богатый, Торы нет
без урожая.

По чужим законам снова поколение живёт.
Кто богат, как Крёз, от скуки и от злобы подыхает,
И уходят дни и годы – всё вперёд, вперёд, вперёд.

Небывалым урожаем созревали в поле мины.
В гоменташ¹ вместо мака порох бабушка клала.
Благородные фигуры встанут за стеклом витрины.
Милосердный и великий сядет во главе стола.

Тель-Авив, 2002

А МОРЕ НЕ ПЕРЕПОЛНЯЕТСЯ

Из бреши в бытии,
Как мёд из песни, сладко
Сочится сущность — я.
Не раз перечитав
Писанья, брел туда,
Где виделась разгадка,
Но алеф находил,
Каким сменялся тав.

И жизненную даль
Окидывая взором —
Возможное и всё,
Что будет или есть, —
Встречаю сам себя
Как ближнего, с которым
В разлуке был, о ком
Так радовала весть.

Вздымались глыбы гор
Над водами. Высоты
Показывали мне,
Сколь пропасть глубока,

Зияньем черноты
Внушая, — помни, кто ты,
Всего лишь смертный. Что ж,
Иди и сей пока.

Запутаны пути,
И дали смысла дымны.
Рассудку не дано
Достичь в хаосе дна.
В порыве бунтаря
Слагай по-рабски гимны,
И курицу кормя,
Вздыхай — на что годна.

Закрыты небеса,
И рубежи нечётки,
Заплакан горизонт,
И в топах брода нет.
Я весел там и здесь.
А где-то посередке,
На стыке полюсов
Взрывает точку свет.

Рамат-Ган, 2002

С ВИНТОВОЮ В РУКЕ

С винтовкою в руке,
С кипящей кровью в сердце...
Ошер Шварцман

Так и будешь сидеть,
В неизбывное взор обратив,
И отступят мечты и мешавшая быть быстрина.
И ломавший бокалы размашистым звоном вина
Не вернётся звучать
Сладковатый с кислинкой мотив.

Будет дерево там —
Смоковница, на смokвы щедра.
И дарящий надёжностью щит виноградной стены.
Там в уютную давность тепло и покой вплетены,
Не сменяются дни —
Только света и тени игра.

Времена, отменясь,
Не ведут исчисления годам.
Завершилась история. Только — струение вод
Вниз и вверх. И, не мысля, всему, что обнял
небосвод,
Будешь телом внимать,
Неподвижно склонившийся там.

И останешься быть
И вкушать неотменность плода
Давней мудрости всеобладанья, спасён от тщеты,
И жалеть поколенья — не знают, что ведает ты,
Возвратившийся в сад
Не эдемский, но — тайны «всегда».

Кдумим, 2002

Маме

Мама, ты рассказывала мне,
Как шёл тот эшелон,
Который вёз вас на восток
Летом сорок первого года.
Тучной была пшеница
На широких обречённых полях,
Проносившихся мимо
И назад. Украина, прошлое моё.
Жирно горела пшеница,
Вздымая к страшному небу
Столбы дыма. И небо было чёрным
От дыма и немецких самолётов,
Летевших на восток.

И с отчаяньем спрашивали люди
Внизу, в тесных вагонах:
«Ой, где они сейчас, сталинские соколы?»
И появился лишь один
Самоубийца с красными звёздами на крыльях,
А небо чёрное от немцев.

Беспомощно смотрели на него снизу,
Как он бьётся один против стаи,
Одинокий сокол
С красными звёздами на крыльях.
И люди плакали беспомощно, как дети
И как мама...

Мама моя, здесь, в Иудейской пустыне
Нет пшеницы,
Но я смотрю в белёсое небо
И хочу увидеть тебя,
Как облачко, которое принесёт нам дождь.

Кфар-Эльдад, 2003

Неимоверно чисты
Иерусалимские камни,
И даже местная пыль
Неестественно чиста.
Всё — деревья, стены и улицы —
Сожжено тысячу раз,
А запах пожаров уже давно исчез.
И сияет раскалённый город,
Как лезвие меча без намёка на ржу.
Кто-то может почувствовать себя
Порой не слишком уютно
В этой раскалённой чистоте.
И вдруг накатит тоска
По липкой плесени Москвы.

Иерусалим, 2004

Тоска

Тоской и снегом заметает двор,
Лишь тени здесь сплетаются в узор.
Ветшает древний замок день за днём,
Никто не плачет, не томится в нём.

Рассыпаться, исчезнуть он готов,
Уйти без колдовства, без лишних слов.
Сталь ржавчиной покрылась за века,
Но камни бремя лет несут пока.

Такой пейзаж. Покой и благодать.
Что толку тени во дворе пугать,
Орать, и плакать, и сходить с ума?
Всё хорошо. Вот, хорошо весьма.

Москва, 2005

ДЕВЯТАЯ КАЗНЬ

Хоть раз была такая же зима?
Дожди, и мрак, и тучи без просвета.
Когда-нибудь рассеется туман,
Но что за ним? — Никто не даст ответа.

И так темно, и с каждым днём темней.
О белом свете думаю с тоскою.
Закат, восход, а ночи всё длинней...
Как в трауре, я лацкан рву рукою.

Маале га-Хамиша, 2005

Вильна

Ты — тёмный талисман...
Мойше Кульбак

Лицо этого города — маска на маске,
Надетой поверх маски.
Изгнанные дибуки¹ украшают холодные улицы.
Отполированные скелеты жаждут крови
И близких, и далёких.
Они ведут бесконечный хоровод мёртвых
Вокруг шатра сияющего Изгнания,
Заманивая надписями на стенах
По-еврейски, по-польски и по-литовски.
Легенды создаются и требуют почтения.
Здесь ощущаешь себя Саулом в Эйн-Доре,
Если вспомнишь, что ещё говоришь на идиш.
Весь год пьяным, а на Пурим трезвым —
Только так можно жить сейчас в Вильне.

Вильнюс, 2005

¹ Дибук — душа умершего, вселившаяся в живого.

ГЕРОДИОН¹

Только кажется,
Что Геродион — это погасший вулкан.
Из его кратера уже давно
Не поднимается дым.
Не летят камни, несущие смерть.
Зимние дожди
Бьют разрушенную микву² зелотов.
Но где-то в чреве молчаливой горы,
В неизвестных боковых тоннелях
Ещё скрываются прежние повстанцы.
Они снова вырвутся на поверхность,
Когда придёт час извержения.

Кфар-Эльдад, 2007

¹Геродион — одна из трёх крепостей (наряду с Масадой и Михваром), которые держались после падения Иерусалима в 70 г. во время Первой Иудейской войны.

² Бассейн для ритуальных омовений.

Моя игрушка

Моя страна — игрушка.
Для меня и для высших сил
Как мне радостно с ней!
Какое счастье: моя страна существует!
Разве кто-нибудь мог в это поверить?

Я играю в эту игру вполне всерьёз.
А ведь я уже вырос.
Мне говорят, что я веду себя, как ребёнок.
Гляжу на неё и глаз не могу оторвать.
Неужели мне это не снится?
Разноцветна она, трёхмерна...
Моя страна действительно существует!
Разве кто-нибудь мог в это поверить?

...В отношении высших сил
Соблюдаю нейтралитет.
Всемогущие эти силы
Сотворили мою страну для себя.
И для меня!
Порою мне кажется, что они
Чересчур суровы к моей стране.
Так мне кажется.
И всё-таки я благодарен им.
Моя страна — это моя игрушка.

Латрун, 2008

Случай

Он пришёл в синагогу
В надежде встретить таких же, как он.
Синагога ждала:
Священный кивот со свитками Торы,
Амвон,
Полки с молитвенниками на будни и праздники.
Но таких, как он, не было.
Он ждал некоторое время вместе с синагогой.
Потом взял молитвенник на Дни Трепета¹
И произнёс вслух молитву
Первого дня Новолетия.
Его голос немного дрожал
Вместе с его молитвой.
Затем он неуверенно взял шофар
И трубил до конца.

¹ «Днями Трепета» или «Грозными Днями» в еврейской традиции именуются первые 10 дней еврейского календаря, начинающиеся Новолетием (Рош ха-Шана) и Завершающиеся Судным Днём (Йом-Кипур).

Не явился никто, и он ушёл.
Однако в окрестных домах
Ещё долго обсуждали этот случай,
Когда кто-то трубил в шофар
В первый день Новолетия.

Кфар-Эльдад, 2008

ПОЛУНОЧНОЕ БДЕНИЕ

Взмах полуночных крыл.
Пролетит — не догнать,
Ветер дунет в свирель
Над уделом Иуды.
Полуночных чернил
Хватит мне записать
Полуночную трель
Сквозь библейские груды.

Расцветают кусты
Кристаллических роз.
Крылья ветра легки,
С ним — до Мёртвого моря!
Если с ветром «на ты»,
Отпустить не вопрос
Патриархов грехи,
Праотцовское горе.

Кфар-Эльдад, 2009

Сильный незнакомый запах
Цветущих апельсинов
В тихой тёплой и свежей ночи.
Газели, пасущиеся под горячим солнцем
Среди олив, названия которых я не знаю.
Радостная тайна,
И мой дедушка в ней и мама.
Это мой детский сон про Эрец-Исраэль.
Бабушка рассказывала мне,
Что её дед поехал умирать
В чудесную страну,
Которая называется Эрец-Исраэль.
Это чудесная страна для того,
Чтобы в ней умереть.
А жизни там совсем нет.
Там есть апельсины на деревьях,
Жёлтые святые холмы с газелями
И язык святых умерших,
Который называется лошн-койдеш¹.

¹ Святой язык.

«Не уезжай туда», — говорила мне бабушка,
Но я поехал,
И я живу в своем детском сне
С апельсинами, газелями и холмами,
С языком святых умерших,
В радостной тайне чуда
Умирания, каковое есть почёт
И подарок. Я удостоился.

Иерусалим — Кфар-Эльдад, 2010

Шпионы

«Ночь, улица, фонарь...»

Александр Блок

Неспешный разговор двух личностей помятых
Про жизнь на улице без фонаря.
Один сказал: «Я скоро еду в Штаты».
Другой сказал спустя минуту: «Зря!

Какие Штаты? Ну, какие Штаты
Тебе дадут их грёбаный green-card?
И что ты там забыл, такой помятый?»
Через минуту — первый: «Новый старт».

И, помолчав, добавил неохотно:
«Мне все обрыдло. Я хочу домой.
На улице прохладно и вольготно,
Но я уже устал бороться с тьмой».

И промолчал второй посланец света,
А только понимающе кивнул.
Он не нашел вербального ответа,
Забыл английский. It's at home so cool.

Москва, 2010

Белые мотыльки над голубыми цветами.
Такая себе символическая пастораль,
Подходящая для Пятого ияра¹.
Жарко уже с утра.
Вся страна — мангал.
И мы готовимся на нём
К чему-то грядущему.

Довольно лениво реют флаги.
Ещё нет ветра.
С праздником вас в сей день!
Возрадуемся и возвеселимся в оный.

Кфар-Эльдад, 2010

¹ День Независимости Израиля.

ХОББИТ

С измятой ермолкой в кармане
Я говорю сам себе,
Что ермолка должна быть в сердце
Я хочу просто передохнуть,
Взять короткий тайм-аут
В этой предложенной высшими силами
Ролевой игре,
Которая называется еврейством.
Ещё минутка,
И я снова стану хоббитом.

С.-Петербург, 2010

В ГОРАХ БАЛЬЗАМИЧЕСКИХ

Он бежал подобно серне,
Возлюбленный дочерей иудейских.
По лиричным горам бальзамическим
Он скакал, как молодой олень.
Девушки кричали: «Беги!
Быстрее беги в пустыню, Гиршл!»¹
Лето подходит к концу.
Его конец будет горек, как всегда.
Беги в горы бальзамические,
Покуда там ещё есть бальзам.
Его запах разливается в воздухе
И дразнит так чувственно-сладко
Сей постмодернистский мир.

Иерусалим, 2011

¹ Буквальное значение еврейского имени Гиршл — «молодой олень».

Нет в Литве страха и трепета.
Некого бояться в Литве,
Ибо Бог покинул Литву,
Ибо Бог из Литвы ушёл.
Остались лишь следы
Великого, Могучего и Грозного.

Есть в Литве одна синагога.
Там молятся в миньяне¹ никому
И вопрошают: «Где место славы Его?»
Делают это, чтобы не забыть,
Что где-то очень далеко от Литвы
Нет места, в котором Его нет.

Вильнюс, 2011

¹ Молитвенный кворум, не менее 10 еврейским мужчин старше 13 лет.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Во дворах Старого города в Вильнюсе
Не смердят ни помойки, ни сточные канавы,
ни уборные.
Никакой вони уже не осталось. Всё стало
пристойным.
Аккуратно укрытые листьями лозы дикого
винограда
Художественно карабкаются на слегка облезлые
стены.
Это придает романтический привкус,
но не смердит.
Помои, моча и кровь — всё исчезло
Со дворов Старого города в Вильнюсе.
Да что там Старый город?
Даже Заречье¹ больше не смердит.

Я не узнаю тебя, Вильна.
Ты не похожа на свои вербальные портреты,
Нарисованные на идише.
А ведь искусство не должно лгать.

¹ Район Вильнюса, ныне называющийся по-литовски Ужупис. В прошлом был кварталом бедноты.

На фоне серо-белого неба
Трепещет, как флаг, берёзка. Маленький флажок,
Ни литовский, ни польский, ни российский.
Маленький флажок праздника радости Торы².
Он крепко уцепился за трещину
На высоком карнизе у самого края.

После неминуемого евроремонта
Больше не останется трещины,
И не будет ни берёзки, ни флажка.

Вильнюс, 2011

² Флажки являются одним из атрибутов праздника Симхат-Тора.

БОГЕМНО

Как профессионально курят те две блондинки
в углу,
Хотя в этой стране быть блондинкой —
не профессия.
Они курят так же профессионально, как я пью
свой виски.
Всего один шкалик, да и тот со льдом.
Это не слишком много для того, кто родился
в России.
И всё же я пью его профессионально,
как еврейский поэт.
Скажем, как Ицик Мангер или Шике Дриз,
Хотя Дриз, наверное, никогда не сидел в баре
в Европе,
Глядя на блондинок, и не пил маленькими
глотками
Виски со льдом... Какое, к чёрту, виски?!
Ладно «зелёная карета», «серебряная кузница»,
«Скрипка в лесу»¹ наконец.
Это ещё куда ни шло...

¹Зеленая карета, серебряная кузница, скрипка в лесу — образы из стихотворений Шике (Овсея) Дриза.

Но виски со льдом в Европе маленькими
глотками...
Это звучит фантастично.
То есть у меня есть в поэзии свой собственный
путь —
Европа, виски и блондинки.
Кстати, они снова закурили и смотрят на меня.

Прага, 2011

Иегар-Сагадуга

... по солнечному берегу.

Йосеф Паперников

Два берега у Иордана...

Владимир Жаботинский

Мы сорок лет скитались по пустыне,
И вышли к берегу этой реки,
Навечно разделившей надвое наше бытие
Между востоком и западом,
Между вчера и завтра,
Между рабством и свободой,
Между нами и не нами.

В сердце течёт река
И разделяет надвое
И сердце, и страну.

Расколото сердце,
Расколота страна,
Но мы привыкли,
И так мы живём
Из поколения в поколение.
Мы помним Галаад
И два с половиной колена.

Кфар-Эльдад, 2012

Везде, куда бы я ни пошёл,
Я встречаю рисунки Нахума Гутмана¹.
Они окружают меня со всех сторон
И придают цвета моему бытию.

Когда-то там, на Севере,
Я увидел под маленькой репродукцией
Имя Нахума Гутмана,
Написанное справа налево и слева направо.

Очарованный, я вошёл
В его нарисованный мир
И сам стал штрихом
На всех этих рисунках.

Тель-Авив, 2014

¹ Нахум Гутман (1898-1980) — израильский художник.

ЕВРЕЙ

Я — жёлудь
Обыкновенного
Израильского дуба.
Мой облик экзотичен,
По восточноевропейским меркам.
Кажется, что я слишком велик
Для такого маленького дуба,
Слишком весом для него.
Но мы — одно,
Он и я.

Кфар-Эльдад, 2014

Конец элула — время резать гусей,
Потому что они нагуляли к зиме жиру.
Снег скрипит под ногами резника,
И гуси поднимают крик до небес.
А я чувствую себя виноватым,
Потому что я люблю латки¹
С гусиными шкварками.

Москва, 2017

¹ Картофельные оладьи.

О така молитва

А мы пьём да пьём да мы гуляем,
Ун мир тринкен яин азой ви маим,
Ун мир зогн алэ цузамэн лехаим,
Ве-ато тишма мин го-шомаим¹.

Из хасидской песни

Мы вси звэртаемся до Бога,
Паны, холопы та жида,
Бо Вин — це я, бо Вин — це ты,
Бо Вин — Илья, бо Вин — Эльогу.
И крывды наши застарили
Ликуе Вин, бо Вин — любов.
Мы вси щаслыви аль-пи-ров²,
Хоч видчуваемо биль в тили.
Ва-йоймер³ Мандельштам, як звисно:

¹ ... мы пьём вино как воду, / и мы все вместе говорим: «Лехаим!», / а Ты услышь с небес.

² По большей части.

³ И сказал.

«Дано мне тело. Чёрт из ным,
Таким красивым и дурным!
Хиба ж воно мэни корысно?»
Отак уси — пытаются Бога
И кажут сами, що и як,
Бо кожний мае власный смак,
Хоч вин Илья, хоч вин Эльогу.

Харьков, 2018

БРЕЙШИС

Велькый натовп хмарочосив
Стойить мов велэтэнський лис
На тли беззоряного нэба
И тилькы искоркы викон
На кшталт лихтарыкив риздвяных
Як на ялынах майорять.
А де ций натовп, невидомо,
Одначе ж вин, ймовирно є,
Бо як инакше зрозумити
Слова первынни «вайги ойр»¹?
Сказав — и вмыть — вогни у викнах.

Харьков 2018

¹«Да будет свет» (древнееврейск.).

КОНЕЦ НИСАНА

Подумай о правде.
Увидишь, не всё так уж плохо.
Сквозь тернии к звёздам
ведёт незамеченный путь.
И тот, кто пойдёт,
не будет, наверное, лохом,
И именно в этом,
подумав о правде, вся суть.

Подумай о правде.
Она многозначна, как слово.
Она непонятна порой.
Да есть ли взаправду она?
Она словно Бог.
И нет у нас бога второго.
Но значит ли это,
что правда всегда лишь одна?

Кфар-Эльдад, 2018

ТРУД СЕРДЦА

Пришов сёгодня в сынагогу
И бачу: е на майрев¹ миньен
Без мэнэ навить. А нехай!
Не то, що скажусь я на Бога,
Але...

Я помолывся без кавоны²,
Автоматычно, якость сухо,
Байдуже майже, бэ-аль-пэ³.
Ни, поважаю я законы,
Але...

Бо так прыемно зайн ин центр⁴
Для чогось бути необходимым,
Важлывым, навить аф а цайт⁵,
Хоч бы ин миньен зайн дер центр⁶,
Але...

¹ Вечерняя молитва.

² Намерение, сосредоточенность.

³ Наизусть.

⁴ Быть в центре.

⁵ На время.

⁶ В миньяне быть десятым.

И о така души тортура
Тэрзае мэнэ. Намагаюсь
Трыматись из останних сыл.
Пэрэмогты — дос из майн номэн⁷,
Але...

Киев, 2018

⁷ Это мое имя.

Биробиджан

О тайге, что по-еврейски говорит,
О реках, которые пенятся по-еврейски.
Эммануил Казакевич

Те, что говорили на идиш, ушли,
Но я слышу их голоса,
И я говорю на их языке.
Надеюсь, что делаю это неплохо,
Несмотря на то,
Что слегка фальшивлю.
Я притворяюсь, что не знаю,
Что они уже ушли,
И продолжаю жить
Языком умерших.
Я слегка фальшивлю,
Но делаю это от всего сердца.

Биробиджан, 2018

Сокровища

Слов не знал я подходящих
И поныне не нашел
О сокровищах пропавших,
Что я так и не обрел.

Не обрел я их доселе
Ни в сейчас, ни в старине.
Ни в восторга, ни веселья:
Смысл, оставшийся вовне.

Из тенёт, что муки полны,
Хочет выскользнуть душа,
Набегают горя волны,
Твердь сокровища круша.

Тонет в буйстве струй разящих
То, что спас я от потерь,
Слов не знал я подходящих
Ни тогда и не теперь.

Но смогла душа — вот странно
(Ну сокровище даёт!)
Исцелить бывшие раны,
Зализать их, точно кот.

То встают, то гаснут волны,
Смысл извне вернулся вдруг,
Счастья и сокровищ полны
Строки — дети прежних мук.

Москва – Рига, 2019

Уибад-Цион¹

...мы были как бы видящие во сне.

Псалом 126, 1

Я забажав ганьбы шукаты.
Бо без ганьбы яке ж життя?
И напхав у вуха ваты,
И кынув у казан смиття.

Ой, що мени казала маты,
Я не почув, хоч зрозумив,
Що мене высталяють з хаты,
Що я втрачаю в хати вплив.

И ось як бомж десь биля тыну
Сыжу я зараз сам-один.
Не скаже маты: «Чуешь, сыну?»
До хаты йды. Залыш ций тын!»

О так народ мий десь блукае
Як той жебрак у чужини
И на повернення чекае
До Батькивщины мов у сні.

Минск, 2020

¹ Любовь к Сиону (древнееврейск.).

из Рабби Нахмана

Куда бы я ни пошёл, в Эрец-Исроэл иду я.
Я не ищу для себя ни целей иных, ни стран.
Лишь для неё творю, только ней тоскую,
Но в сердце всегда храню далёкий Биробиджан.

Пусть кажется, что далеко от приамурских топей
До жарких святых городов, чью славу
не превзойти,
Но мне указуют путь искры прекрасных утопий,
И всюду, куда б я ни шёл, я помню начало пути.

Москва – Бен-Гурион, 2019

וועלוול טשערנין

אַ מאַסקע אויף אַ מאַסקע

לידער

אילוסטראציעס: חיים סאַקאַל
דיזיין : טאַטיאַנע איסטאַמינאַ
קאַרעקטאָר: יעלענע סאַראַשעווסקאַיאַ

ביראַבידזשאַן

2020

Велвл Чернин

МАСКА НА МАСКЕ

Стихи

Художник: Хаим Сокол
Дизайнер: Татьяна Истомина
Корректор: Елена Сарашевская

Сверстано в ИД «Биробиджан»
679000, г. Биробиджан, ул. Ленина, 32

Отпечатано в ООО «Омега-Пресс»
680000, г. Хабаровск, ул. Промышленная, 8б

Подписано в печать: 12.05.2020.
Формат 60×84/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 3850.

